

Исповедь и Причастие

1

Возникшие в нашей Церкви споры и вопрошания о более частом причащении, о связи таинства причащения с таинством покаяния, о сущности и форме исповеди и т. д., суть признак не слабости и упадка, а жизни и жизненности. Среди православных людей, среди членов нашей Церкви пробуждается интерес к главному, возникает жажда духовно подлинного. За это одно уже можно благодарить Бога. И потому крайне неправильным было бы пытаться споры эти и вопрошания разрешить в одном, так сказать, административном порядке указами и инструкциями. Ибо перед нами духовный вопрос и он касается буквально всех сторон нашей церковной жизни. На этом и нужно остановиться в первую очередь.

Вряд ли можно сомневаться в том, что Церкви нашей, при всем ее относительном внешнем и материальном благополучии, грозит глубочайшая опасность изнутри: опасность обмирщения, настоящего духовного угасания. Трагические признаки такого угасания появились уже давно. Годами длящиеся споры о приходском Уставе, недавние волнения, вызванные автокефалией (она была дарована Русской церковью в 1970 г. — прим. ред.), широко распространенная установка, ставившая в центре всего идею защиты приходами каких-то своих интересов, прав и имущества от иерархии и духовенства, легкость, с которой большие и старые приходы во имя этих пресловутых прав попросту рвут с Церковью, сосредоточенность органов церковного управления почти исключительно на внешнем, материальном и юридическом — все это вскрывает такую страшную, такую глубокую расцерковленность сознания, такое обмирщение, что, действительно, страшно становится за будущее нашей Церкви, которая к тому же, по-видимому, и не сознает подлинных размеров и глубины этого кризиса.

Между тем именно это обмирщение, эта расцерковленность церковного общества приводит к тому, что многие и многие, особенно же молодежь, просто уходят от Церкви, в которой им никто не открывает, в чем состоит сущность Церкви, что означает быть членом Церкви, в которой все духовно сведено к минимуму за счет банкетов, юбилеев, финансовых кампаний, и все той же защиты каких-то прав, в которой так мало слышен призыв к углублению внутренней жизни, к одухотворению и воцерковлению.

И все это тогда, когда мы начинаем новую жизнь, когда нам дана возможность в эпоху уничтожения и пленения Православия в его древних центрах возрастать от силы в силу, быть свободными не только на словах, но и на деле, наполнить духовным содержанием церковную жизнь, осуществить все то, чего не могут осуществить наши братья. Но как часто в действительности мы убеждаемся в том, что самые с виду деятельные и активные члены Церкви оказываются одновременно и самыми расцерковленными, вождями всевозможных оппозиций и бунтов, что — и это еще страшнее — сам строй приходской жизни делает почти невозможным какое бы то ни было духовное углубление, что, наконец, само духовенство вместо того, чтобы всеми силами укоренять жизнь своих пасомых в Боге, обрекаются на мертвый формализм, казенщину и сохранение некоего status quo раз и навсегда самоочевидной нормой церковной жизни.

У нас есть живые и жгучие вопросы, возникающие в церковной жизни, в том числе и занимающий нас здесь вопрос о таинствах, об участии в них мирян и т. д., разрешающиеся простыми

ссылками на прошлое, на то, что делалось и считалось нормальным в России, Польше, еще где-нибудь. Поступать так, однако, не только недостаточно, но, увы, и просто неверно. Далеко не все в этом прошлом, будь оно русское, польское, греческое или еще какое, было правильно, православно и подлинно. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать, хотя бы отзывы русского епископата в эпоху подготовки в начале этого века Всероссийского Поместного Собора. Почти все без исключения русские епископы, самые образованные в Православной Церкви и, вне всякого сомнения, настроенные традиционно и консервативно, признали положение Церкви, и духовное, и богослужбное, и организационное, глубоко неблагополучным и требующим спешных и глубоких реформ. Начиная с Хомякова, все живое в русском богословии обличало плененность этого последнего западными латинскими, юридическими и схоластическими путями. Митрополит Антоний Храповицкий подверг резкой критике русские духовные школы, а праведник о. Иоанн Кронштадтский бичевал теплохладную и формальную церковность русского общества, сведшего, например, причастие к обязанности, исполняемой единожды в год, низведшей богочеловеческую жизнь Церкви на уровень обычая и быта. Поэтому простые ссылки на прошлое, как на критерий для настоящего, недостаточны, ибо и само прошлое требует оценки в свете подлинного Предания Церкви. Единственным же критерием всегда и всюду может быть только это Предание и пастырская забота о том, как хранить и осуществлять его в наших, столь отличных от прошлого, условиях жизни.

Наши же условия (нужно ли доказывать?) определяются глубочайшим духовным кризисом: общества, культуры, человека. Суть этого кризиса секуляризм: отрыв от Бога всей жизни человека. И кризис этот не может не сказаться и внутри Церкви. Нетрудно доказать, что и сама церковная жизнь именно секуляризуется, о чем свидетельствует все то, о чем сказано выше: сосредоточенность на внешнем и материальном, на правах и имуществе, на форме, а не на содержании. Думать, что от всего этого можно отговориться простыми приказами, запретами и ссылками на прошлое, близоруко и опасно, и в первую очередь это относится к главной святыне Церкви к св. таинствам.

2

Если мой доклад о таинствах я начал с этих общих размышлений о духовном кризисе и в мире, и в Церкви, то потому, что я глубочайшим образом убежден, что сами возникшие в этой области вопросы укоренены именно в этом кризисе, имеют к нему самое прямое отношение. Я убежден, что вопрос об участии мирян в таинствах, в данном случае о более частом или, лучше сказать, более регулярном участии в таинстве Евхаристии, является ключевым вопросом всей нашей церковной жизни, вопросом, от разрешения которого буквально зависит будущее самой нашей Церкви: ее возрождение или же быстрое угасание.

Я убежден, что в приходах, где возрождение евхаристической жизни уже началось, никогда не произошло бы того, что только что произошло в одном из самых старых и известных приходов Новой Англии, невозможен был бы этот диалог глухих о том, что такое Церковь, ее единство, назначение ее на земле, место в ней иерархии и т. д. Я убежден, что там, где Евхаристия и причастие снова стали, по выражению о. Сергия Четверикова, средоточием христианской жизни, почти не возникает проблема связи прихода с Церковью и иерархией, принятия канонических норм, исполнение материальных обязательств. И это, конечно, не случайно. Ибо там, где церковная и приходская жизнь не основана, прежде всего, на Господе Иисусе Христе, и это значит, на живом общении и единстве с Ним и в Нем, в таинстве Церкви Евхаристии, там неизбежно, рано или поздно, на первый план выступает что-нибудь другое: имущество и его защита, деньги и в конечном итоге адвокаты и суд. Там уже не Христос, а что угодно другое — национализм, политика, материальный успех, коллективная гордыня и т. д. — рано или поздно начинают преобладать и одновременно разлагать церковную жизнь.

До сих пор остроты, центральности этого вопроса, этого или-или можно было не замечать. На

протяжении долгого времени у наших приходов, кроме религиозной, была еще и естественная база этническая, национальная, языковая. Приходы были формой объединения иммигрантов, т. е. этнических меньшинств, сплоченных для защиты своих интересов в чуждом им по первоначальному американскому миру. Но теперь этот иммигрантский период в истории нашей Церкви быстро приходит к концу. Все очевиднее, все быстрее распадается и отпадает естественная база нашей Церкви. Чем ее заменить? Если она не будет заменена самой идеей и опытом Церкви, как единства во Христе, единства веры и ее осуществления, то поневоле заменит ее уже совершенно антирелигиозная идея прихода, как владельца имущества, и объединяющим принципом станет (и уже становится!) принцип защиты этого имущества от каких-то внешних врагов: епископов, духовенства, центра и т. д. Вожди всевозможных оппозиций отлично знают, что, на деле, их имуществу давно уже ничто не угрожает. Если они все-таки так активно поддерживают этот миф, то потому, что им нужен объединяющий принцип и лозунг, а другого у них нет. Если люди не знают за что им объединяться и во имя чего, то они, неизбежно, объединяются против. И это и составляет трагическую глубину нашего теперешнего положения.

Вот почему вопрос о таинствах имеет такое ключевое значение. Ибо именно в связи с ним возможно внутреннее перерождение мирянского самосознания, давно уже оторвавшегося от самих истоков, от самого опыта Церкви. И если этот вопрос приобрел сейчас такую остроту, то потому, что все больше и больше церковных людей, сознательно, а чаще бессознательно, ищут такого перерождения и возрождения, ищут той базы, которая вернула бы приходу его религиозный и церковный смысл и остановила бы быстрое и трагическое его обмирщение.

3

В этом коротком докладе нет возможности, да и нет нужды, вопрос о причащении мирян ставить во всем его догматическом и историческом объеме. Достаточно напомнить о главном.

Общеизвестно, конечно, и не требует никаких доказательств, что в ранней Церкви причастие всех верных, всей Церкви за каждой Литургией было самоочевидной нормой. Важно подчеркнуть, однако, что само причастие воспринималось не только как акт личного благочестия и освящения, а, прежде всего, именно как акт, вытекающий из самого членства в Церкви и это членство исполняющий и осуществляющий. Евхаристия была и называлась таинством Церкви, таинством собрания, таинством общения. «Для того Он смесил Себя с нами, — говорит св. Иоанн Златоуст, — и растворил Тело Свое в нас, чтобы мы составляли нечто единое, как тело, соединенное с главою...» Никакого другого признака и критерия принадлежности к Церкви и членства в ней, кроме причастия, раньше Церковь просто не знала. Отлучение от Церкви было отлучением от евхаристического собрания, в котором Церковь осуществляла и являла себя как Тело Христово. Причастие Таинству Церкви вытекало непосредственно из Крещения — таинства вступления в Церковь, и никаких других условий причастия в ранней Церкви не было. Член Церкви — это тот, кто причащается Церкви в Таинстве Церкви, поэтому в одной из древних литургий одновременно с оглашенными и кающимися, т. е. отлученными, призываются оставить собрание Церкви и все непричащающиеся. Это восприятие причастия как осуществления членства Церкви можно назвать эkkлeзиологическим, и, очевидно, сколько бы оно не затемнялось и не усложнялось в дальнейшей истории Церкви, никогда не было отменено и составляет первичную и вечную норму Предания Церкви.

Поэтому вопрошать нужно не об этой норме, а о том, что случилось с ней. Почему мы так далеко отошли от нее, что само напоминание о ней кажется иным и, чаще всего духовенству, каким-то неслыханным новшеством и ниспровержением уставов? Почему, вот уже столетиями, девять из десяти литургий служатся без причастников, и это не вызывает ни удивления, ни содрогания, тогда как желание чаще причащаться, напротив, вызывает почти испуг? Как могло в недрах Церкви Тела Христова возникнуть учение о ежегодном причащении как норме, отступление от которой допускается

только в исключительных случаях? Как, иными словами, стало понимание причастия сугубо индивидуальным без всякого отношения к Церкви, перестало быть выражением того, о чем сказано в евхаристической молитве: нас же всех, от единого Хлеба и Чаши причащающихся, соедини друг к другу во единого Духа причастие?

Причина этого, хотя и сложная в своем историческом развитии, довольно проста: это боязнь профанировать таинство. Это страх недостойного причащения, попрания святости. Страх, конечно, духовно оправданный и правильный, ибо ядый и пияй недостойно, в суд себе яст и пьет. Он возник рано, вскоре после победы Церкви над языческой империей, победы, превратившей христианство, на протяжении сравнительно короткого времени, в массовую, государственную и народную религию. Если в эпоху гонений сама принадлежность Церкви обрекла каждого ее члена на узкий путь, полагала между ним и миром сим самоочевидную грань, то теперь с включением всего мира в Церковь грань эта была уничтожена и появилась вполне реальная опасность номинального, поверхностного, теплохладного и минималистического восприятия христианской жизни. Если прежде трудным и духовноответственным был сам доступ в Церковь, то теперь с обязательным включением в Церковь всех возникла необходимость установить внутренние границы и проверки, и такой границей постепенно стало таинство и доступ к нему.

Надо подчеркнуть, однако, что ни у Отцов Церкви, ни в самих богослужебных текстах мы не найдем и намек на поощрение неучастия в таинствах. Подчеркивая святость причастия и его страшность, призывая к достойному к нему приготовлению, св. Отцы нигде и никогда не узаконили той, теперь повсеместно разделяемой мысли, что потому, что таинство свято и страшно, к нему не следует или даже неправильно приступать часто. Для св. Отцов еще самоочевидно было восприятие Евхаристии как Таинства Церкви: ее единства, исполнения и возрастания.

«Мы не должны, — пишет преп. Иоанн Кассиан Римлянин, — устраняться от причащения Господня из-за того, что сознаем себя грешниками. Но еще более и более надобно поспешать к нему для врачевания души и очищения духа, однако ж с таким смирением духа и верою, чтобы, считая себя недостойными принятия такой благодати, мы желали более врачевства для наших ран. А иначе и в год однажды нельзя достойно принимать причащение, как некоторые делают... достоинство, освящение и благотворность небесных Таин оценивая так, что думают, будто принимать их должны только святые, непорочные, а лучше бы думать, что эти таинства сообщением благодати делают нас чистыми и святыми. Они подлинно больше гордости высказывают, нежели смирения, как им кажется, потому что когда принимают их, то считают себя достойными принятия их. Гораздо правильнее было бы, если бы мы с тем смирением сердца, по которому веруем и исповедуем, что мы никогда не можем достойно прикасаться Св. Тайн, в каждый воскресный день принимали их для врачевания наших недугов, нежели превозносясь суетным убеждением сердца, верить, что мы после годичного срока бываем достойны принятия их».

Что же касается той, тоже распространенной и приобретшей почти нормативный характер, теории, согласно которой в отношении к причастию есть разница между духовенством и мирянами, так что духовенство может и должно приобщаться за каждой Литургией, а миряне нет, то уместно привести слова св. Иоанна Златоуста, который более, чем кто-либо другой, ратовал за достойное к причащению приготовление. «Но есть случаи, — пишет великий пастырь и учитель, — когда священник не отличается от подначального, например, когда нужно причащаться Св. Тайн. Мы все одинаково устаиваемся их, не так, как в Ветхом Завете, где иное вкушал священник, иное народ и где не позволено было народу приобщаться того, чего приобщался священник. Ныне не так, но всем предлагается одно тело и одна чаша...»

Повторяю, найти в Предании Церкви основу и оправдание нашей теперешней практики редкого, если не ежегодного, причащения мирян, признание его нормой, а желание частого причащения едва

терпимым исключением, невозможно. И потому все те, кто серьезно и ответственно Предание изучал, все лучшие русские литургисты и богословы всегда видели в ней упадок церковной жизни, отступление от Предания и от подлинных норм церковности. И самое страшное в этом упадке то, что он оправдывается и объясняется уважением к святине и благоговением. Ибо, если бы это было так, то непричащающиеся ощущали бы за Литургией скорбь, ущерб, печаль по Богу, желание приступить. На деле ничего этого нет. Поколения за поколениями православных присутствуют на Литургии в полном убеждении, что ничего другого от них не требуется, что причастие просто не для них. И один раз в год они исполняют свой долг и причащаются после двухминутной исповеди у переутомленного священника. Видеть в этом торжество благоговения, а не упадок и трагедию, просто духовно страшно. А иных из наших приходов здесь, в Америке, людей, старавшихся приступить к Св. Тайнам чаще, подвергали настоящему гонению, уговаривали не причащаться, чтобы не смущать людей, обвиняли в неправославии! Я мог бы процитировать приходские листки, в которых разъясняется, что, поскольку причастие для кающихся, нельзя им омрачить радость Пасхи. И самое горестное, конечно, то, что так мало чувствуется мистический ужас от всего этого, от того, что, по-видимости, сама Церковь становится препятствием на пути людей ко Христу! Когда увидите мерзость запустения, стоящую на месте святе...

Не трудно, наконец, было бы показать, что всюду и всегда подлинное возрождение церковности начиналось с возрождения евхаристического, с того, что кто-то назвал евхаристическим голодом. В XX веке начался великий кризис Православия. Начались неслыханное, небывалое гонение на Церковь и отход от нее миллионов людей. И вот всюду, где этот кризис был осознан, началось и возвращение к причащению как средоточию христианской жизни. Так было в Советской России, о чем имеются сотни свидетельств, так было и в других центрах Православия и в рассеянии. Движения православной молодежи в Греции, Ливане, Франции выросли все без исключения из возрождения литургической жизни. Все живое, подлинное, церковное родилось из смиренного и радостного ответа на слова Господа: ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, той во Мне прибывает и аз в нем...

Теперь по великой милости Божией это евхаристическое возрождение, эта жажда более частого, более регулярного причащения и через него возврата к более подлинной церковной жизни, началось и в Америке. И я убежден, что ничто не может доставить большей радости пастырям, и особенно архипастырям, чем это возрождение, свидетельствующее об отходе от мертворожденных споров об имуществах и правах, от восприятия Церкви, как какого-то социально-этнического клуба с увеселениями и пикниками, от организаций молодежи, в которых религиозная жизнь отсутствует. Ибо, как я уже сказал выше, никакой другой основы для возрождения Церкви как в целом, так и в приходах, у нас нет и быть не может. Отмирает и исчезает база этническая, национальная. Исчезает все то, что только быт, только обычай, только придаток к жизни, а не сама жизнь. Люди ищут и жаждут подлинного, живого и истинного. И потому, если суждено нам жить и расти, то, конечно, только на основе самой сущности Церкви. Сущность же ее Тело Христово, то таинственное единство, в которое вступаем мы, причащаясь от единого Тела и Чаши во единого Духа причастие...

Я уверен поэтому, что наши епископы, которым поручена забота, прежде всего, о духовной сущности Церкви, найдут слова, чтобы благословить это начинающееся духовное и таинственное возрождение, чтобы напомнить Церкви о подлинном, бесконечно богатом и бесконечно радостном содержании ее Предания и учения о Св. Тайнах.

Но это, конечно, с новой остротой и глубиной ставит вопрос о достойном приуготовлении к причащению и, прежде всего, о месте в этом приуготовлении таинства Покаяния.

С тех пор как причастие мирян за каждой Литургией, как акт, вытекающий из их участия в Литургии, перестало быть нормой и было заменено практикой редкого, обычно ежегодного, причащения, это последнее естественно стало предваряться таинством Покаяния, т. е. исповедью и воссоединением с Церковью через отпустительную молитву. Но практика эта, повторяю, естественная и самоочевидная в случае редкого, ежегодного, причащения, привела к возникновению внутри Церкви теории, согласно которой причастие мирян, в отличие от духовенства, и вообще невозможно без таинства Покаяния, так что исповедь является обязательным всегда и во всех случаях условием причащения. Я дерзаю утверждать, что теория эта (утвердившаяся преимущественно в Русской церкви) не только не имеет для себя основания в Предании Церкви, но открыто противоречит церковному учению о самой Церкви, о таинстве Причащения и о таинстве Покаяния.

Чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы в нескольких словах напомнить о сущности таинства Покаяния. Это таинство с первых же веков было в сознании и учении Церкви таинством Воссоединения с Церковью отлученных, что первоначальная, очень строгая дисциплина допускала только одно такое воссоединение, на что в дальнейшем развитии церковной жизни, особенно после наплыва в Церковь всей народной массы, дисциплина была отчасти смягчена. Так или иначе, в основе своей, по существу, таинство Покаяния, как таинство Воссоединения с Церковью, совершалось лишь над теми, кто был отлучен от Церкви за определенные грехи и проступки, точно перечисленные в каноническом Предании Церкви. Об этом и сейчас еще свидетельствует подлинная разрешительная молитва: примири и соедини его со святой Твоей Церковью во Христе Иисусе Господе нашем... (в отличие от второй, латинской по происхождению и неведомой Востоку: и аз, недостойный иерей, властью мне данной...).

Это совсем не значит, однако, что неотлученных, верных Церковь считала безгрешными. Во-первых, Церковь никого из людей, кроме Пресвятой Богородицы, никогда не считала безгрешными. А во-вторых, соборное, литургическое исповедание грехов и мольба об их прощении входит и в молитву Трисвятого, и в молитвы верных на литургии. И наконец, само причащение Св. Тайн Церковь всегда воспринимала как совершающееся во оставление грехов. Поэтому дело тут не в безгрешности, которую не дарует и никакое отпущение грехов, а в различии, которое всегда делала Церковь между грехами и актами, отлучающими человека от благодати жизни Церкви, и той греховности, которой неизбежно подвержен каждый человек плоть нося и в мире живя, но которая как бы растворяется в собрании Церкви и о прощении которой и молится Церковь в молитвах верных, читаемых перед предложением Св. Даров. Вель и перед самой Св. Чашей, в самую минуту причащения просим мы о прощении прегрешений вольных и невольных, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением и верим, что в меру нашего раскаяния получаем его.

Все это означает, конечно, да этого по-настоящему никто и не оспаривает, что единственным настоящим условием причащения Св. Тайн является членство в Церкви, и обратно, что членство в Церкви осуществляется и исполняется в причащении Таинству Церкви. Причащение даруется во оставление грехов и во исцеление души и тела и потому предполагает раскаяние, осознание человеком своего совершенного недостойства и причащения как небесного дара, который никогда не может быть заслужен никем из земнородных. И вся суть установленного Св. Церковью приуготовления к причащению (правило ко св. Причащению) состоит, конечно, не в том, чтобы человек ощутил себя достойным и заслуживающим причащения, напротив, в том как раз, чтобы раскрылась ему бездна милосердия и любви Божией: верую, яко сие сотвориши... Перед трапезой Господней единственное достоинство причастника в том, что он понял и узрел бездну своего недостойства. В этом состоит начало спасения.

Но потому-то так и важно понять, что превращение исповеди и таинства Покаяния в

обязательное условие причащения не только противоречит Преданию, но его действительно искажает. Оно искажает учение о Церкви, создавая в нем две категории членов, из коих одна — миряне — в сущности отлучаются от Евхаристии, как самого содержания и исполнения своего членства, как его духовного источника. Не удивительно тогда, что члены Церкви, которых Апостол назвал согражданами святым и своими Богу превращаются именно в мирян, т. е. секуляризуются, и их членство в Церкви начинает измеряться деньгами (членские взносы) и правами... Искажается учение о таинстве Причащения, которое начинает восприниматься как таинство для немногих достойных и чистых, а не как Таинство Церкви: грешников, безмерной любовью Божией всегда претворяемых в Тело Христово. И искажается, наконец, само христианское понимание покаяния: превращается в некое формальное условие для причастия, и на деле все очевиднее заменяет собою настоящую подготовку к причащению, то подлинное внутреннее раскаяние, которым вдохновлены все молитвы перед причащением. После трехминутной исповеди и разрешительной молитвы человек чувствует себя вправе приступить к Чаше, достойным и даже безгрешным, т. е. чувствует, по существу, обратное тому, к чему ведет подлинное приготовление к причастию.

Как же могла возникнуть такая практика и претвориться в норму, защищаемую многими как истинно православное учение? Этому способствовало три фактора. Об одном из них мы уже говорили: это та теплохладность христианского общества в вере и благочестии, что привела постепенно к редкому, а затем и лишь к ежегодному причащению. Совершенно ясно, что человек, приступающий к Св. Чаше раз в год, должен действительно быть воссоединен с Церковью через проверку его жизни и совести в таинстве Покаяния. Вторым фактором следует признать влияние на церковное общество, в целом бесспорно, конечно, благотворное, монашества. В данном случае это монашеская практика духовного руководства, открытия помыслов, постоянной духовной проверки более опытным менее опытного. Только в монастырях это духовное руководство, эта постоянная исповедь совсем не обязательно была связана с таинством Покаяния. Духовный отец, старец, могли не быть, и на деле очень часто не были даже и священниками, ибо этот тип духовного руководства связан с духовным опытом, а не с таинством священства как таковым. В византийских монашеских типиконах XII–XIII веков монаху запрещается как приступать к Чаше, так и воздерживаться от нее самовольно без разрешения духовного отца, ибо исключать себя самовольно от причастия это поступать по своей воле. В женских монастырях та же власть присваивается игумении. Таким образом, мы имеем дело с исповедью не сакраментального типа, основанной на духовном опыте и постоянном регулярном руководстве. Эта исповедь оказала, однако, сильное влияние на развитие исповеди сакраментальной. В эпоху духовного упадка (глубину которого хорошо показывают постановления, например, т. н. Трулльского Собора, который сказался в первую очередь на белом духовенстве) монастыри оказались почти единственными центрами духовного окормления и руководства и для мирян. В Греции даже и сейчас исповедовать может не каждый священник, а только особо на это уполномоченный и поставленный архиереем. Для мирян, однако, эта исповедь — руководство и наставление в духовной жизни — совершенно естественно соединилась с сакраментальной. Но следует признать, что на такое духовное руководство, предполагающее большой личный духовный опыт, способен совсем не каждый приходской священник, и это очень часто при духовной неопытности; попытки все же осуществлять его приводят к подлинным духовным катастрофам. Так или иначе, но в церковном сознании таинство Покаяния соединилось с идеей духовного руководства, разрешения духовных трудностей и проблем, что в условиях нашей приходской жизни, наших массовых, на несколько вечеров Великого поста сосредоточенных и потому минутных исповедей, вряд ли осуществимо, и это ведет к полной номинализации исповеди и очень часто приносит больше вреда, чем пользы. Духовное руководство, особенно в наш век глубочайшей духовной искалеченности, необходимо; но чтобы быть подлинным, глубоким, полезным, оно должно быть отделено от исповеди сакраментальной, хотя, конечно, эта последняя и составляет его конечную цель.

Третьим же решающим фактором оказалось, конечно, влияние западного, схоластического и юридического понимания таинства. О западном пленении православного богословия писали и говорили много, но мало кто, мне кажется, понимает всю глубину и все значение тех, без всякого преувеличения, извращений, к которым привело это западное влияние в самой жизни Церкви, и прежде всего в понимании и восприятии таинств. В том, что касается таинства Покаяния, это особенно разительно. Глубочайшее извращение тут состоит в том, что вся тяжесть, весь смысл таинства был передвинут с раскаяния и покаяния на момент разрешения, понимаемого юридически. Западное, схоластическое богословие юридизировало понимание греха и соотнositельно понимание его оставления. Это последнее выводится не из реальности и подлинности раскаяния и покаяния, а из власти священника. Если в исконном православном понимании таинства Покаяния священник есть свидетель раскаяния и поэтому свидетель совершившегося примирения с Церковью во Христе Иисусе Господе нашем, то латинский юридизм все ударение ставит на власти священника прощать. Отсюда и совершенно неслыханная, с православной точки зрения, но все более и более распространяющаяся практика давать разрешительную молитву без всякой исповеди. Изначальное в Церкви различие между грехами, отлучающими от Церкви (и потому требующими сакраментального воссоединения с Церковью) и греховностью (прегрешениями) к такому отлучению не приводящей, западная схоластика рационализировала в категориях, с одной стороны, т. н. смертных грехов и, с другой стороны, грехов обычных. Первая, лишая человека благодатного состояния, требует таинства Покаяния и разрешения, вторые только внутреннего покаяния. На православном Востоке, особенно же в России (под влиянием латинствующего богословия Петра Могилы и его последователей) теория эта обернулась простым и обязательным, и именно юридическим, сцеплением исповеди и причастия. И подлинно полным печальной иронии следует признать то, что это наиболее очевидное из всех заимствований от латинства так часто выдается у нас за православную норму, а всякая попытка пересмотреть его в свете подлинно православного учения о Церкви и о таинствах изобличается как плод западного, католического влияния.

5

Мне остается из всего сказанного сделать практические выводы. Выше я уже пытался объяснить, почему вопрос о таинствах, и прежде всего вопрос об участии мирян в евхаристической жизни, представляется мне вопросом краеугольным для нашей Церкви, от которого зависит ее духовное будущее, ее подлинный а не внешний рост. Выводы эти поэтому должны сочетать верность подлинному Преданию Церкви с пастырской заботой об исполнении Предания в наших бесконечно трудных, бесконечно отличных от прошлого условиях жизни.

Вопрос, мне кажется, можно сформулировать так: как сочетать поощрение более частого и регулярного участия мирян в таинстве Евхаристии как средоточии христианской жизни, как таинстве собрания и единства, как подлинно Таинстве Церкви с заботой о достойном к этому таинству приготовлении, о том, чтобы не превратилось это участие в такой же обычай, каким было до сего времени непричащение? Ответ на этот вопрос сводится, по моему разумению, к следующим основным положениям:

1. Прежде всего, если желание и практику более частого, в пределах регулярного, причащения мирян следует всячески поощрять, то совершенно очевидно, что было бы духовно неправильно и бесконечно вредно ее каким бы то ни было образом насильственно навязывать. Не может и не должно оно стать ни духовной модой, ни плодом поверхностного увлечения, ни результатом какого бы ни было давления. Поэтому для причащающихся редко (даже раз в месяц), а таких, конечно, долго еще будет большинство в Церкви, нужно во всей силе сохранить как норму необходимость исповеди перед св. причастием.

2. Причастие чаще, чем раз в месяц, возможно только с разрешения. Разрешение это может быть дано только лицам, хорошо известным, и после всесторонней пастырской проверки в серьезности и правильности их прихода к Церкви и к христианской жизни. В этом случае вопрос об исповеди и соотношении между ее ритмом и ритмом причащения должен быть оставлен на благоусмотрение пастыря, с тем, однако, чтобы исповедь оставалась регулярной и совершалась не реже, чем раз в месяц.

3. Для более глубокого понимания как таинства Причащения, так и таинства Покаяния и для более духовно плодотворной связи между ними, одобрить практику общей исповеди. Поскольку же практика эта вызывает в настоящее время недоумения и нареkania, я и позволю кратко остановиться на ней в заключительном параграфе настоящего доклада.

6

Что такое общая исповедь и почему следует признать ее уместной и нужной в настоящих условиях нашей церковной жизни? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно признать, прежде всего, что в настоящее время огромное большинство членов Церкви не знают ни что такое исповедь, ни как приступить к ней. Она сводится (и это в лучшем случае) к чисто формальному и обобщенному перечислению обычно второстепенных недостатков, либо же к разговору о проблемах. Тут сказалось, с одной стороны, многовековое влияние западного, формального и юридического понимания исповеди, а с другой стороны, всяческий психологизм, свойственный нашей эпохе, и в котором растворяется без остатка чувство и сознание не трудностей, проблем и вопросов, а греха. Так, в одном большом приходе, где я исповедовал несколько десятков человек, каждый из них начинал с того, что представил мне свидетельство приходского казначея об уплате членского взноса и молча ждал разрешительной молитвы. В других приходах существует практика простого чтения по книжечке краткой, с латыни переведенной формулы исповедования. Наконец, почти повсеместно распространено отрицание исповедующимися каких бы то ни было грехов, поскольку под грехом понимает он преступления, каких он, действительно, не совершал. Обратная крайность — это сосредоточение на какой-нибудь одной трудности, из рассказа о которой выходит так, что вина в обстоятельствах и условиях жизни, сам же исповедующийся является просто жертвой этих условий. Меньше всего во всех этих типах исповеди именно раскаяния, печали по Боге, горя от оторванности от Него и желания переменить жизнь, возродиться и обновиться.

Но как же в этих условиях возродить, прежде всего, саму исповедь? Как сделать ее снова актом подлинного раскаяния, покаяния и примирения с Богом? Это сделать просто невозможно при теперешней трех-или четырехминутной исповеди, с длинной очередью за спиной священника ждущих своего череда, понимающих исповедь как ежегодное отбывание некой формальной обязанности.

Поэтому общая исповедь есть, прежде всего, некая школа покаяния, раскрытие подлинной сути самой исповеди. Чтобы быть духовно полезной, она должна состоять из следующих моментов.

1. Как правило, общая исповедь совершается вечером, после вечернего богослужения. Человек, имеющий намерение причаститься Св. Тайн, должен прийти в Церковь хотя бы накануне вечером. Современная практика исповеди за несколько минут до литургии, впопыхах просто вредна и должна допускаться только в самых крайних и исключительных случаях. Между тем, это опять-таки стало почти общим правилом.

2. Общая исповедь начинается с чтения священником вслух молитв перед исповедью, которые теперь почти повсеместно опускаются, но которые составляют, однако, органическую часть таинства Покаяния.

3. После молитв священник призывает кающихся к раскаянию, к молитве о ниспослании Богом, прежде всего, самого чувства покаяния, дара зрети своя прегрешения, без которого формальный их

перечень не принесет духовного плода.

4. Следует сама исповедь, т. е. перечисление священником всех тех поступков, мыслей и желаний, которыми мы оскорбляем святыню Бога, святыню ближнего и святыню собственной души. Поскольку же сам священник, как всякий человек, стоящий перед Богом, знает все эти грехи и всю эту греховность и в самом себе, постольку и перечисление это не формальное и казенное, а искреннее, и совершается духом сокрушенным и смиренным, идет от всех нас, а не просто обращено к вам, и в этом перечислении каждый узнает себя и каждый кается. И чем полнее испытывает пастырь свою совесть, тем полнее и общая исповедь и дух раскаяния и покаяния, который она рождает.

5. В заключение священник призывает кающихся обратить свой духовный взор от своего недостойнства Трапезы Господней, ожидающей нас, к Его милосердию и любви, и внутренне пожелать всем существом этого приобщения, которого мы никогда не достойны и которое все-таки даруется нам.

6. Затем священник призывает всех тех, кто испытывает нужду в дополнительном покаянии из-за какого-нибудь особенного бремени, тяготящего душу, отойти в сторону и подождать. Все же остальные по очереди подходят к нему и получают разрешительную молитву с возложением епитрахили и целованием креста.

7. Наконец, пока все, получившие разрешение, слушают молитвы перед причащением (начинать которые, мне кажется, хорошо с трехпсалмия «Господь пасет мя...»), священник по очереди вызывает имеющих восполнить исповедь и дает им разрешение.

Опыт показывает, что приступающие к такой общей исповеди начинают гораздо лучше исповедоваться и в исповеди личной. Ибо в том-то все и дело, конечно, что общая исповедь ни в коем случае не может и не должна рассматриваться как простая замена исповеди частной. Она для тех и только для тех, кто, причащаясь часто и регулярно, исповедуясь лично, знает самоочевидную нужду в проверке и очищении совести, в раскаянии, в той собранности духа и внимания, которая так трудна в современных условиях жизни. Могу засвидетельствовать, что там, где такая общая исповедь практикуется, частная исповедь не только не ослабела, а углубилась, стала исполняться подлинностью и смыслом. Вместе же с тем эта общая исповедь освобождает священнику время, необходимое для более углубленного исповедания тех, кто действительно нуждается в личной исповеди, и оказывается путем уже не личного только, но и общего возрастания в подлинный дух покаяния.

Заканчивая этот доклад и смиренно отдавая его на суд моих архипастырей, я могу исповедать еще раз, что все написанное здесь продиктовано исключительно острым осознанием нужды возродить и упорядочить евхаристическую жизнь Церкви, ибо тут и только тут источник и основа ее возрастания во Христе.

Неделя о блудном сыне,

1972 г.